
ДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР С СЫНОМ

Мой сын, твой отец — лежебока и плут
из самых на этом веку.

Ему не знакомы ни молот, ни плуг,
я в этом поклясться могу.

Когда на земле бушевала война
и были убийства в цене,
он раной одной откупился сполна
от смерти на этой войне.

Когда погорельцы брели на восток
и участь была их горька,
он в теплом окопе пристроиться смог
на сытную должность стрелка.

Не словом трибуна, не тяжкой киркой
на благо родимой страны —
он всё норовит заработать строкой
тебе и себе на штаны.

И всё же, и всё же не будь с ним суров
(не знаю и сам почему),
поздравь его с тем, что он жив и здоров,
хоть нет оправданья ему.

Он, может, и рад бы достойней прожить
(далече его занесло),
но можно рубаху и паспорт сменить,
да поздно менять ремесло.

ПОДМОСКОВЬЕ

I

Март намечается. Слезою со щеки
вдруг скатывается издалека...
И вербины цветки, как серые щенки,
ерошат шерсть и просят молока.

И тополи попеременно
босые ноги ставят в снег, скользя,
шагают, как великие князья, —
как будто безнадежно, но надменно.

II

Кричат за лесом электрички,
от лампы — тени по стене,
и бабочки, как еретички,
горят на медленном огне.
Сойди к реке по тропке топкой,
и понесет сквозь тишину
зари вечерней голос тонкий,
ее последнюю струну.
Там отпечатаны коленей
остроконечные следы,

как будто молятся олени,
чтоб не остаться без воды...
По берегам, луной залитым,
они стоят: глаза — к реке,
твердя вечерние молитвы
на тарабарском языке.
Там птицы каркают и стонут.
Синеют к ночи камыши,
и ветры с грустною истомой
все дуют в дудочку души...

III

На белый бал берез не соберу.
Холодный хор хвои хранит молчанье.
Кукушки крик, как камешек отчаянья,
все катится и катится в бору.

И все-таки я жду из тишины
(как тот актер, который знает цену
чужим словам, что он несет на сцену)
каких-то слов, которым нет цены.
Ведь у надежд всегда счастливый цвет,
надежный и таинственный немного,
особенно, когда глядишь с порога,
особенно, когда надежды нет.

IV

Как ты там поживаешь, над рекой Сереной,
карасями заселенной,
облаками засоренной?

Как ты там поживаешь в своем скворешнике,
примостившемся на берегу,
где полки молодого орешника
на бегу
согнулись в дугу,
где в тине, зеленой и темной,
перепутались рыбы следы,
где ивы, упрямо и томно,
перелистывают книгу воды?..

А когда осенний дождичек частый
бубнит, как столетний дед,
кому ты выносишь в пригоршнях счастье,
которому имени нет?

V

Всё поле взглядом невзначай окинь:
костры, костры, костры и дух щавелей...
И трактора сползались на огонь
и желтыми лучами шевелили.

Осенний первый дождь спокойно шел
и не мешал огню, и было ярко,
и пахло щами и ржаною коркой...
Лес лисами и листьями шуршал.

Мы крепко спали на пороге дня.
Лишь дождь перебирал привычно струны,
и наши тени, медленно и странно,
плясали, приседая, у огня...

VI

А знаешь ты,
что времени у нас в обрез
и кошельки легки без серебра,
учитель мой, взъерошенный как бес,
живущий в ожидании добра?

Когда-нибудь
окончится осенний рейс,
и выяснится наконец, кто прав,
и скинет с плеч своих наш поздний лес
табличку медную: «За нарушение — штраф!»

Когда-нибудь
внезапно стихнет карусель
осенних рощ и неумытых луж,
и только изумленное: «Ужель
возможно это?!» — вырвется из душ.

И в небеса
взовьется белый дым змеей,
и, словно по законам волшебства,
мы пролетим над теплою землей
в обнимку, как кленовая листва...

ПОДМОСКОВЬЕ

Подмосковье, Подмосковье,
ты прохладное дно морское,
кладовая синего света.

Где-то там,
над тобою где-то,
пекло
горькое городское,
лето
переспелого цвета...
Как мне помнится это лето!

Провожанье, провожанье —
тонких стекол в ночи дрожанье,
два луча голубых над крышей...
На плече у солдата — скатка,
он тревожных гудков не слышит —
всё целует свою солдатку...
Всё целует ее, целует,
у войны минуты ворует.

Подмосковье, Подмосковье
провожало меня с тоскою,
а встречало — просило страстно:

«Здравствуй!
Только больше не странствуй...»

А леса
как закружатся сами
перед глазами
зелеными небесами...

А голоса
ночных электричек
то проплачут,
а то прокличут...

А роса
вдруг покатится слезой
голубою...

Подмосковье,
что мне делать с твоей
любовью?

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ МАРШ

Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой сыграет,
когда трубу к губам приблизит и острый локоть
ответит.

Надежда, я останусь цел: не для меня земля сырая,
а для меня твои тревоги и добрый мир твоих забот.

Но если целый век пройдет, и ты надеяться устанешь,
Надежда, если надо мною смерть распахнет свои
крыла,
ты прикажи, пускай тогда трубач израненный
привстанет,
чтобы последняя граната меня прикончить не смогла.

Но если вдруг когда-нибудь мне уберечься не удастся,
какое б новое сражение ни покачнуло шар земной,
я всё равно паду на той, на той единственной
гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча
надо мной.

ГОЛУБОЙ ШАРИК

Девочка плачет: шарик улетел.
Ее утешают, а шарик летит.

Девушка плачет: жениха всё нет.
Ее утешают, а шарик летит.

Женщина плачет: муж ушел к другой.
Ее утешают, а шарик летит.

Плачет старушка: мало пожила..
А шарик вернулся, а он голубой.

1957

ПОЛНОЧНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
случайный.

Полночный троллейбус, по улице мчи,
верши по бульварам круженье,
чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
крушенье,
крушенье.

Полночный троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь
твои пассажиры — матросы твои —
приходят
на помощь.

Я с ними не раз уходил от беды,
я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе, доброты
в молчанье,
в молчанье.